

Иса Айтукаев

СЛОВО МУЖЧИНЫ

Дедушкина трость

Идти по селу было ещё не так страшно: хоть и через раз, на столбах горели фонари, — и Эдик, где быстрым шагом, а где и мелким бегом, дошёл до околицы. Дальше была абсолютная темень, и он сбавил ход.

«Что же делать?» — стучало в мозгах. Приказ отца нарушать он не мог и не смел, а двигаться вперёд тоже страшно.

От Хамавурга до села, где живёт дедушка, чуть более десяти километров, и необходимо преодолеть их за два часа, пока дед не лёг спать, так сказал папа.

Гравийная дорога была широкая — грузовики разъезжают свободно, — но с ухабами по краям.

«Пойду посередине, — решил мальчишка. — Если поедет какая-нибудь машина — заметят и точно остановятся, а нет — пусть задавят.

От села до канала — отвода воды из реки для совхозных полей — метров пятьсот, всё лето Эдик с друзьями пропадал там днями, обычное место купания сельчан. Здесь все пацаны учились плавать.

«Полежу на „пляжике“ до утра, — несмело подумал мальчик, — а с рассветом тронусь в путь, авось и машина какая подкинёт...»

С шумом чеканя каждый шаг, дошёл до «водопада». Так все называли это место, где шёл из открытых шлюзов сброс воды. Излюбленное место ныряния с берега смельчаков. Но Эдик до сих пор не осмелился на такой шаг, пацаны часто получали тут травмы.

— Дальше — не пойду! — вытирая набежавшие слёзы, твёрдо сказал он и присел на своё привычное место у обрыва, где всегда загорал.

За Аксай-рекой, буквально в двухстах метрах, — Чечня, станция Герзель. Эх, жалко, что там нет ни одного родственника, так бы у них переночевал. А фонари и светящиеся окна манят и манят туда.

Немного успокоившись, вскочил как от толчка: а вдруг папа пошёл следом и наблюдает за ним?

Он вернулся на тракт и, спотыкаясь о камни, продолжил свой путь. Пусть папа слышит и видит, что он ничего не боится.

Дорога уходила чуть вправо, огибая небольшой курган. Откуда он взялся в этой степи, никто не знает. Старики рассказывают, что здесь некогда шли сильнейшие бои с полчищами Тамерлана.

Иногда старшекласники проводят на этом кургане раскопки и изредка находят наконечники копий и стрел, а бывало, и останки мечей.

Отсюда до железной дороги с полкилометра, а за «железкой» — лес. Раньше в том лесу было много волков и лис. Говорят, и медведи водились, но нынче встречаются крайне редко. Поездов, наверное, боялся.

Вспомнив о хищниках, Эдик остановился в нерешительности, от каждого шороха и шелеста гонимого лёгким ветерком листа по телу пробегал холодок.

— Эх, надо было нож с собой прихватить... Растяпа! Совсем без головы... — расстроился мальчуган, как будто десятилетний юнец смог бы ножом испугать волка.

Ноги стали ватными и передвигались с трудом, неутешительные мысли смелости не прибавляли.

«Если меня съедят волки, что будут делать мои сестрёнки?» — задумался Эдик, и слёзы сами покатились по щекам.

В семье он был единственным сыном, остальные — девочки, пять сестёр.

— У других единственного сына балуют, лелеют, всё для него... А мой папа, да и мама часто, как с неродным... Чуть что не так, сразу ремня или отхлещут прутиком, — вытирая лицо, с обидой прошептал он.

Как-то спросил у родителей, почему у него нет братика, у всех соседей по несколько мальчиков, на что мама, хмыкнув, ответила: «Нам достаточно. Твоих друзей полный двор — куда нам ещё?»

— Вот я оболтус! — стукнул себя по лбу Эдик. — Надо было позвать с собой Ислама. Он бы точно не отказался. Вдвоём было бы спокойнее и веселее.

Они с Исламом дружат несколько лет. Мама даже предложила им побрататься. У него пятеро братьев, и пусть Эдика считает своим шестым братом. С тех пор они неразлучны.

— Эх, Ислам, наверное, сейчас в тёплой постели сладко спит...

Но ему было не до сна, хотя он всегда ложился в это время; сумасшедший стрекот кузнечиков отгонял малейший признак сонливости.

Одеревеневшие ноги совершенно не хотели двигаться, надо бы как-то взбодриться.

— Взвейтесь кострами, тёмные ночи, — запел малец, меняя «синие» на «тёмные» для бодрости тела и ног, гимн пионером. — Радостным шагом, с песней весёлой, мы выступаем за комсомолом!

Из-за ночных облаков, словно послушать его песенку, вынырнула большая бело-оранжевая луна, и вокруг стало светлым-светло, так что парнишка запел ещё громче и веселее и, пританцовывая, побежал за своей тенью.

— Что, дружище, не догонию тебя, да? — начал он заигрывать со своим тёмным отражением на земле.

Так, играючи, дошёл до железнодорожного переезда и свернул направо. Дорога до Нурадилова была асфальтированная, хоть и изрядно разбитая, прямая, а между полотном и шоссе — густой кустарник, с другой стороны, за бруствером, — лесополоса. За железнодорожными путями — лес...

Палку бы какую-нибудь, но страшновато переходить за бруствер, можно на змею наступить, их тут много.

На большой скорости, после недолгого гудка, засвистел, застучал колёсами пассажирский поезд. В окнах горел тёплый жёлтый свет.

— У-у, едут себе... — представив, как там уютно, разлился Эдик. — Влепить бы камнем...

Он поднял небольшой булыжник и только размахнулся, как его резко передёрнуло, будто ударило током. Мальчик представил, что он только кинул камушек, как тут же появился отец и как хлестанул прутиком по спине: по телу стрельнуло острой болью, как наяву, в действительности.

Эдик встряхнулся, прямо как это делает их большой и добрый пёс по кличке Князь. Но мысль об отце прибавила ему смелости. Появилась даже уверенность, что папа где-то рядом.

Подобрав у обочины небольшую палку, он, вытянув её перед собой, как солдаты в кино, идущие в атаку, решительно пошагал, запевая:

Вставай, страна огромная,

Вставай на смертный бой...

Как бы то ни было, родителей Эдик очень любил, несмотря на их строгость и жёсткость с ним. Отец — уважаемый в селе механизатор, орденосеиц, а мама — почитаемая всеми учительница в школе. Он и старался соответствовать им — учился только на «отлично». Но чтобы он ни делал, всё оказывалось не по их, и за это ему и попадало.

Хорошо у бабушки. Она его любит и балует, души в нём не чаёт. И Эдик её любит и обожает, и как выходные или каникулы — сразу к ней. Зная, что он побаивается отца, она часто повторяет: «Отца, как Бога, нужно любить, а не бояться».

Паренёк уже прошёл от перекрёстка пару километров, когда услышал шум машины, а потом увидел и свет от фар.

«А вдруг это папа едет за мной? — проскочила мысль. — Спрятаться или...» Он перешёл

на сторону встречного движения. Решил просто стоять, не реагируя ни на что.

Машина, приближаясь, начала сбавлять скорость — видимо, заметили его. Эдик стоял, от-вернувшись в сторону железной дороги. Машина остановилась, и мужчина лет под сорок, не выключая двигатель, окликнул:

— Ты что тут делаешь? Под поезд собрался прыгнуть?

Мальчишка повернулся к нему, в машине на пассажирском кресле сидел ещё мужчина.

— Не сказал бы, что горю желанием, но в пору это сделать...

— Ух ты, смыслёный какой! — рассмеялись парни. — И откуда и куда ты такой?

— К дедушке, в Солнечный, — неохотно пробубнил малец.

— Ну, юноша, тебе повезло, нам по пути. Прыгай на заднее сиденье, поехали.

Когда Эдик расположился и автомобиль тронулся, товарищ водителя развернулся к нему:

— Рассказывай, джигит: кто ты? как зовут?

— Эльдар я, — с безразличием бросил парнишка.

— Хм, достойное имя! «Воин солнца» — означает у европейцев, а у азиатов — «правитель»!

— Ага, точно. Только я правитель тёмной ночи...

Мужики опять весело рассмеялись.

— Так расскажи, что ты в такую тёмную ночь на дороге делаешь.

— Отец отправил извиняться перед дедушкой.

Попугачики удивлённо повернулись к нему и снова расхохотались.

— Давай поведай, что к чему.

— Пф-фу-у-у, — тяжело выдохнул Эдик.

— Что, сильно провинился? — не унимался водитель.

— Папа считает, что сильно, а я не знаю. Плохо разбираюсь.

— Если расскажешь — разберёмся вместе.

— Да что там рассказывать, — после недолгой паузы начал малец. — Приехал вчера на выходные к бабушке с дедушкой, а там мой двоюродный брат Махач. Ну, игрались мы с ним. Залезли на крышу сарая, дедушка увидел и отругал. Сказал, что черепица и так на ладан дышит, сломать можем. Нам бы успокоиться, так нет же... Через пару часов мы опять полезли. Ну и выпала пара черепиц и разбилась об землю. Дедушка увидел и дал ремня брату. Махач расплакался — больно же. Ремешок у дедушки старинный, на таких раньше кинжалы носили, на кончиках железки. Подозвал и меня, но я что — дурак? Отбежал. Он за мной, а я ещё дальше. Кинул мне вдогонку свою трость, с которой он не расстается, старый уже, ему за шестьдесят. Я убежал ещё дальше, а он подобрал эту трость и опять в меня. Чуть по ногам мне не попал. Я психанул, взял эту трость, закинул её в чужой огород и дал дёру до автобусной остановки. Тут

как раз и автобус подошёл. Ну, я сел и уехал домой. Трость дорогая, редкая. Ручной работы, подарок от какой-то знаменитости...

— А отец как узнал? Сам рассказал?

— Не-е! Дядька, младший брат отца, возвращался с города, заехал к деду...

— И дед попросил наказать тебя?

— Совсем не так. Дядя приехал к нам и спросил про меня, а когда узнал, что я дома, успокоился: мол, слава Богу, а то дедушка волнуется, переживает. Отец удивился, а дядя всё и выложил про трость. Когда дядя уехал, пообещав, что завтра заскочит к деду и успокоит его, отец как закричит на весь двор: «Эльдар!» Меня обычно дома и в школе зовут Эдиком, но отец, когда злой, зовёт только полным именем. Понимая, что влип, я вышел на крылечко. Отец пальцем показал, чтобы я стал перед ним. Когда я подошёл, вlepил мне оплеуху, так что зазвонило и во втором ухе. Затем взял меня за грудки, оторвал от земли и спрашивает: «Ты знаешь, кто такой дедушка?» — «Конечно, — говорю, — знаю, это дедушка». — «Это мой отец! И если ты не уважаешь ни меня, ни моего отца, то я научу и заставлю тебя это сделать. Сейчас же иди к деду и извиняйся, паршивец!» Мама запричитала, что поздно, темно, автобусы не ходят, отложим до утра, а там первым же автобусом или с дядей поедет — повинится. Но отец был непреклонен: «Сказал — сейчас, значит, сейчас!» Мама шепнула мне, чтобы пошёл к Исламу и там переночевал. Папа заметил и догадался о затее мамы, строго крикнул: «Пусть даже не думает об этом. Я утром рано поеду к деду и проверю всё».

Несколько минут ехали молча. Товарищ водителя закурил сигарету и, выпустив дым в окно, протянул:

— М-да-а, строгий у тебя папа... урок на всю жизнь...

Когда подъехали к дому дедушки, мужчины вышли из машины и постучали по калитке.

Только дедушка распахнул её, Эдик шагнул к нему и выпалил:

— Дед, ты извини меня, я больше никогда не буду так делать, честное пионерское!

Дедушка растерялся, не понимая, что происходит. Приглашая поздних гостей в дом, он погладил внука по голове и положил руку ему на плечо.

— Спасибо, отец, за гостеприимство, но мы торопимся, — отрезал строго водитель.

Друг его подал руку Эльдару:

— Ну, бывай, джигит! — и обратился к деду: — Что же это ваш сын так с юнцом? Десятилетнего ребёнка в десять часов вечера, за десять километров, в тёмную ночь — одного.

Узнав, в чём дело, дед долго кивал, качал головой и сурово изрёк:

— Я с сыном разберусь завтра утром.

То ли прогулка ночная сказалась, то ли усталость — мальчик уснул, как только добрался до постели.

Его разбудили громкие голоса, доносящиеся со двора. Отец, как и обещал, приехал рано утром.

— Как ты мог такое сделать? — возмущённо кричал дедушка.

— Отец, успокойся, иначе этого паршивца не воспитаешь!

— Ты паршивец! А он ещё ребёнок!

— Всё, отец, понял я, понял. Успокойся.

Эльдар закрыл глаза и мечтательно подумал: «Интересно, а дедушка влепил оплеуху папе?..»

Слово мужчины

Как можно было проиграть бесспорно выигрышную партию в самой ответственной финальной игре, Эдик не понимал и потому не мог унять свою злость и раздражительность. Он во всём виноват, он смалодушничал...

Проиграла и сестрёнка Анжела, единственная девочка в команде. Тоже по-глупому. Расстроилась из-за него. Гаджи партию выиграл, а Бекхан сыграл вничью. Оставалась последняя надежда — Ислам.

Он хоть и играет слабее Эдика, но его прыткость, бесшабашная ловкость всегда приносили победы. Если он выиграет, команда может занять третье место, если проиграет, то... Эдику страшно было даже представить, что они не займут призовое место. А ведь изначально шли лидерами.

Шахматами в селении Хамавюрт увлеклись совсем недавно, лет пять-шесть назад. Эдик смело и с гордостью может похвастаться, что друзей и одноклассников к этой древнейшей игре царей и шахов приучил он.

Когда папа, сельских механизатор, как-то пришёл с работы домой, держа в руках шахматную доску, и сказал, что будет учить детей этой игре, Эдик удивился и не поверил. Считалось что это забава для городских жителей, которым нечего делать в своих квартирах. Вот они и сидят во дворах многоэтажек вечерами. Сельчанам не до этого, тут ежеминутно найдётся чем заняться.

Пока отец ужинал, Эдик с интересом изучал эти странные фигурки, некоторые попробовал даже на зуб. Они вкусно пахли лаком.

— Игра очень сложная и вместе с тем — простая, — начал обучение папа. — Самый лёгкий способ понять, что собой представляют эти фигурки, — это вообразить, что пешки — это солдаты, как в любой армии. Конь — это конница, кавалерия. Слон — техника, танки, бронетранспортёры. Ладья — артиллерия, ферзь — это генштаб, а король — это генерал, командующий.

Шаг за шагом, от первой комбинации — детский мат, Эдик так увлёкся, что начал играть сам с собой, когда отцу или сёстрам было недосуг.

Друзья, кто нехотя, а кто с неподдельным интересом и азартом, вскоре были вовлечены в это забавное и мудрое увлечение.

Отец, следивший за успехами сына и дочерей, нашёл где-то книгу «Шахматы» Майзелиса.

— Вот тебе подарок на день рождения, — сказал папа. — По этой книге учился играть в шахматы гроссмейстер Анатолий Карпов.

Книге Эдик очень обрадовался, но никому о ней не рассказывал и не показывал её. Ему казалось, что это самое большое достояние, его тайна, клад, о котором никто не должен знать. Даже лучший друг Ислам, от которого у него никогда не было никаких секретов, не ведал о ней.

Разучивание коротких комбинаций, этюдов и композиции давали свои результаты. Среди участников школьных соревнований, которые организовывал учитель физкультуры, Эдик был всегда лучшим. Не отставала в успехах и сестра Анжела. А когда физрук объявил, что скоро намечаются турниры среди школ в районе, Эдик понял, что он и сестрёнка однозначно будут включены в команду их школы. Когда о предстоящих соревнованиях узнала мама и что в них будут участвовать Эдик, Анжела и Ислам, она забеспокоилась, ведь скоро конец учебного года.

— Вот наказание! — возмущалась она, наблюдая, как эта троица ежедневно заседает за игровой доской. — Совсем школу забросили. Возьму эти ваши деревяшки и выброшу в печь.

— Мама, ну что ты переживаешь? — раздражался Эдик. — Ты же знаешь, что у нас с сестрёнкой одни пятёрки!

— А Ислам? — не успокаивалась мать. — Ему и так с трудом даётся учёба, а у вас целыми днями игры!

Эдик лукаво взглянул на Ислама и рассмеялся.

— Он не любит учиться, — хохоча, выпалил он. — Он и так умный.

— Э-э, баламут ты, баламут... — она махнула рукой и ушла на кухню.

Возмущение матери сказалося на настроении игроков, занятия заметно расклеились.

— Вы что? — вскричал Эдик. — Что за вялость? Что приуныли?

— Может, действительно тётя права, Эльдар? — вяло прошептал Ислам. — Учёба всё-таки главнее...

— Вот в этом и кроется всё! — закричал, не сдерживая себя, Эдик.

Физрук назначил Эдика капитаном и поручил подготовку команды, за что с присущей ему ответственностью тот и взялся.

— Вы же понимаете, что во всех школах сейчас основной вопрос — учёба! И никто практически не готовится к соревнованиям. И наша задача — воспользоваться этой ситуацией и победить. Понимаете? Победить!

Рьяный настрой капитана был понятен: всем хочется победы.

Бывало, что сельчане занимали в районе какие-то призовые места по вольной борьбе, боксу, но по шахматам — никогда. Даже физрук проговорился, что шахматы не наш конёк. Главное — участие.

Но Эльдар твёрдо стоял на своём:

— Если там быть — значит, быть первыми. Другое — непозволительно.

Твёрдость в поставленной цели — вернуться только победителями, чтобы школа гордилась ими, — зажигала всех. Практически — это были первые турниры в селе и районе, и Эдик, как постоянный победитель во всех школьных олимпиадах, не был готов принять проигрыш.

Как и предполагал, нет, как безапелляционно утверждал Эльдар, команды практически не были подготовлены к чемпионату, и поэтому его команда, нанося поражения в каждой партии, добилась ошеломительного успеха.

Это была феерическая победа! Его победа! И все, во главе с физруком, понимали, чья это заслуга, чей труд и старания.

Когда приехали в село, Эдик предложил ребятам зайти к его отцу. Едва сдерживая свои эмоции, так хотелось взять эту кипу грамот и бросить вверх, чтобы они, как листопад, упали на землю и красовались у его ног. Выразить, что это всё благодаря ему, словами парнишка не мог, поэтому он молча выложил все грамоты перед папой.

— Ну, неплохо... молодцы, — хладнокровно начал отец, но, заметив возбуждённое состояние сына, вопреки кавказским законам сдержанности и скудности в похвале, улыбнувшись, продолжил: — Кхм... хвалю, сынок, рад и горд за тебя.

Превыше этого Эльдару не нужно было ничего — хвальба родителей для детей Кавказа дорогого стоит. Он даже не заметил, как из глаз по щекам покатились слёзы. Чувствуя, что от волнения может сорваться голос, он аккуратно сложил грамоты и вышел из комнаты. «Эх, сейчас бы забежать за дом и дать волно эмоциям», — промелькнула мысль, но его ждали ребята.

В доме у друга Эдик как бы между прочим, показывая его родным грамоты хвастливо заметил:

— Там против нас не было соперников. Мы у них все партии, как у детсадовцев, выиграли.

Даже на второй день в школе, когда физрук и директор при общем построении поздравляли победителей высокопарными речами, Эдик не так гордился заслугой, как перед отцом. В голове только и звучали слова папы: «Рад и горд за тебя, сынок!»

За несколько дней до окончания учебного года детей вызвал к себе директор. Когда они вошли в его кабинет, физрук, не дав и слово вымолвить директору, радостно воскликнул:

— Ребята, вы едете в Махачкалу на республиканские соревнования по шахматам!

Через полчаса вся школа гудела от этой новости. На спортсменов смотрели как на героев. Каждый

старался пожать руку, поздравить и пожелать хороших результатов.

Эльдару казалось, что он, как облако, высоко летает над всеми, что все учащиеся только этим дышат и живут. Понимая, что слава может не только возвышать, но и помешать, капитан команды сразу же и объявил:

— Все дела побоку! Только шахматы!

Времени до республиканского турнира осталось совсем немного. Команда с утра до вечера оттачивала мастерство. Бесперывные тактические задачи: отработка дебютных вариантов — от начальных, открытых, до закрытых, от миттельшпиля до эндшпиля.

Отец обрадовался сообщению не меньше детей, но мама твёрдо заявила, что она категорически против поездки.

Завоздка оказалась в том, что дети будут жить в гостинице «Ленинград», находящейся в нескольких сотнях метров от Каспийского моря, и она боится, что сын полезет в воду и утонет, что его унесут волны, которые бушуют там триста дней в году.

Не помогало ничего: что в июне волн уже нет, в зоне купания море мелкое, людей очень много, никто никому не даст утонуть, все у всех на виду.

Ясно, что без брата не поедет и Анжела, единственная девочка в команде, — это уже минус два участника из пятерых, почти полкоманды — никаких шансов на призовое место.

Ничьи уговоры, даже физрука, бывшего одноклассника мамы, не могли повлиять на неё.

За пару дней до отъезда зашёл к маме директор школы. Вникнув в ситуацию, он не стал вызывать её к себе в кабинет на работе, отчитывать, упрекать и указывать, как её начальник. Вопрос хоть и касался престижа школы и села, директор сам, как многодетный отец, осознавал, как родителям тягостно отпускать детей от себя.

— Так нельзя с детьми, — начал он, как педагог с большим стажем, — они старались, самостоятельно работали, рвались ради нас, а мы, учителя, которые учили их этому, ставим им препоны...

После недолгого паузы мама позвала сына и сказала:

— Я соглашусь, но с одним условием...

Дети радостно захлопали и закричали:

— Ур-ра-а-а! Едем!

— А условие такое! Эльдар даёт мне честное слово, что он не будет купаться в море.

Эдик рухнул на диван. Ему показалось, что его скопил сорокадвухградусный жар. Он прикрыл глаза и, как рыба, пришлёпывал губами, не в состоянии и слова вымолвить. Зачем ему эта Махачкала без моря?! Прогулки по парку и городу с мороженым можно и в Хасавюрте устроить, пара десятков километров от села, чем ехать за сто километров.

Немного придя в себя, он уже намеревался решительно отказаться от поездки, но, увидев глаза

директора, физрука и своих ребят, глубоко вздохнул. Нельза подводить команду, школу и район.

— Хорошо, мама, даю слово, — тихо, но очень твёрдо выдал из себя юноша.

— Я верю тебе, сынок, — спокойно сказала мать и похлопала его по плечу.

Семнадцатизэтажная гостиница, куда поселили спортсменов со всех районов Дагестана, считалась небоскрёбом для Махачкалы. Весь город и окрестности с верхнего этажа — как на ладони.

Соревнования проходили до обеда, а во второй половине дня иногородним организовывались всякие познавательные экскурсии по памятным местам города и музеям.

Махачкала — совсем молодой город, ему нет и двухсот лет, он раскинулся на берегу моря, на холмах, как горные аулы. За эти недолгие годы поменял несколько названий. На месте поселения Анжи в середине девятнадцатого века появилась крепость Петровск в честь Петра Первого, который в начале восемнадцатого века останавливался здесь во время Персидского похода. После свержения царизма несколько лет назывался Шамиль-кала, а с 1921 года получил своё нынешнее наименование в честь Магомеда Али (Махача) Дахадаева.

На утреннем «совещании», обратив внимание каждого на их слабые моменты и после необходимых наставлений, капитан пожал всем руки с пожеланиями побед. Радовало, что никто не волновался и все готовы к бою.

Отборочный тур команда прошла успешно, все партии были выиграны. Пацаны восприняли это как обыденное событие и спокойно пошли на море.

— Эльдар, давай на пляж, — звали друзья.

«Эх, сейчас бы ринуться в море и не выходить из воды до самого вечера, пока не спадёт этот зной», — с завистью посмотрел на ребят Эдик.

— Не, мы с Анжелой записались на экскурсию, — соврал он и, взяв за руку сестрёнку, направился с ней в город.

Гуляли они недолго. Немного походили по парку, покатались на карусели и, полакомившись мороженым, вернулись в гостиницу.

В городе везде пахло морем; несмотря на жару, дышалось легко, воздух был насыщен морской свежестью, но это больше раздражало Эдика, чем успокаивало.

— Лучше будем готовиться к завтрашнему дню, — более успокаивая себя, сказал он сестре.

— Правильно, брат, — поддержала учтиво Анжела.

Конечно, ей-то что, она ещё не умеет плавать и боится воды.

Команда не подвела и на второй день. В полуфинал вышли также очень легко, не проиграв ни одной партии, и, пожалуй, можно сильно и не волноваться за предстоящий финал. По итогам прошедших игр они были в лидерах.

Узнав, что капитан отпустил сестрёнку до вечера в гости к дяде, который живёт недалеко от гостиницы, ребята залетели в номер и чуть ли не насильно потащили его с собой. Хотя бы чтобы он просто посидел у моря.

Солнце нещадно обжигало тело через рубашку, а на голове, казалось, развели костёр. Ребята, на ходу скидывая рубашки и брюки, ввалились во влажное пространство и, как младенцы, визжали от удовольствия: ныряли, обрызгивали друг друга, плавали наперегонки.

Завидую их беззаботному счастью, Эльдар сидел на горячем песке и представлял себя вместе с ними. Брат, нет, он бы ушёл подальше от берега и не спеша, шуряя от бликов, полыхающих, как огоньки, над ослепительно-сине-зелёной водой, прочёркивая руками мягкую, нежную гладь, лёг бы на спину и, закрыв глаза, спокойно вздохнул несколько раз и, задержав дыхание, ушёл бы под воду и, пока хватало силы, не всплывал. Но...

Чтобы отвлечься от сладких наваждений, Эдик негромко запел песенку из мультфильма:

— Я на солнышке сижу, всё сижу и сижу...

— Семейная пара, расположившаяся в паре метров от Эльдара, удивлённо спросила его:

— А ты почему не с ними? Не умеешь плавать?

— Умею, — грустно ответил он.

— И в чём дело? Боишься моря?

— Не-е, нисколько. Моря не боюсь, мамы боюсь, — со смехом, больше напоминаящим истерический плач, выкрикнул парнишка.

Женщина понимающе покивала головой, а мужчина вопросительно посмотрел на него и потряс ладонью.

— Дал слово маме, что не полезу в море. Она опасается, что я утону. Я единственный у них сын, остальные девочки.

Довольно долго наплескавшись, ребята начали уговаривать Эдика искупаться:

— Нырни разок, никто не узнает.

— При чём здесь «узнает» или «не узнает»? — начал отнекиваться Эдик. — Во-первых, если мама спросит у Ислама, он не соврёт, не умеет врать. Во-вторых, я обещал маме...

— Ну что ты, в самом деле? — встал перед ним Бекхан. — Мама не узнает. Если что, я скажу, что я толкнул тебя в воду.

Убедившись, что уговоры бесполезны, ребята взяли Эльдара под ручки и потащили к воде. С трудом вырвавшись, он жёстко крикнул:

— Стойте, или вы мне больше не друзья!

Эльдар посмотрел в глаза Ислама и понял, что и он, поддавшись общему настроению, не слышит его.

— Не важно, будет мама знать или нет. Важно, что знать буду я, что обещал маме и не сдержал своё слово. Я не полезу в воду.

Он оттолкнул Ислама и пошёл прочь с пляжа.

Вечером Эдик не смог перебороть себя, заглушить обиду на весь белый свет и не пришёл на инструктаж. Не успокоился он и к утру и вяло, отрешённо давал наставления на решающую, финальную игру.

В шахматы играют головой, шахматист полагается исключительно на свой разум, Эльдар это понимал, но не сумел настроить, сосредоточить свою голову. Сам же учил и наставлял других, а тут... сам и оплошал.

Он стоял на крыльчке гостиницы и уныло смотрел на синюю даль моря, когда Ислам подошёл и спокойным, безрадостным тоном произнёс:

— Выиграл...

Капитан был рад, но что-либо сказать, похвалить был не в состоянии. Он понимал, что это надо сделать, но никак не получалось унять себя. Благо Ислам без слов улавливал его настроение. Они молча постояли несколько минут.

— Успокойся... — похлопав друга по плечу, прошептал Ислам. — Всё хорошо.

Команда заняла третье место, что, в принципе, неплохо для школы и района, но капитана терзало чувство вины. Могли показать лучший результат, если бы... не если...

Больше, чем физрук и директор школы, ликовал отец:

— Мои дети, мои ученики... — тряс возбуждённо он кулаками. — Третье место среди десятков районов — это результа-а-а-а! Верил, не сомневался...

Немного успокоившись, отец сказал:

— Но у меня всё-таки кралась мысль, что если не первыми, то вторыми будете.

— Могли, папа, но... Я подвёл команду, — понурив голову, начал Эльдар. — Отсутствие хладнокровия у меня, бесхарактерность... Если сломается капитан, ломается и вся команда.

— Ни в чём ты не виноват, — вступился за друга Ислам. — Это мы сглупили, допекли тебя на пляже, прекрасно понимая, что ты ни за что не отступишь от своего слова.

Разобравшись, в чём дело, отец стал ругать маму:

— Сын три дня был у моря! И вернулся, ни разу не искупавшись! Как ты могла потребовать такое?

— Ну и что? Зато я была спокойна и ни о чём не беспокоилась. Я знаю, что если мужчина обещал, то он сдержит своё слово, — улыбаясь, ответила мама.

— Кхм... — раздражённо прокряхтел отец.

— У нас растёт мужчина, который, дав слово, сдержит. Слово мужчины! — мать гордо посмотрела на сына.

Эльдар облегчённо вздохнул и улыбнулся. Он нисколько не сожалел, что не поддался искушению, не нырнул в море. Довольное сияющее лицо матери для него было важнее, чем все потери и достижения.